

Все присутствующие внимательно слушали, как вдруг Лу Даолинь не смог сдержать приступ кашля. Заметив это, Дуань Чжишу произнесла:

— Господин Лу, отдохните немного, я продолжу. Речь идет о двух семьях, которые враждовали уже давно. Вчера один из них избил человека из другой семьи. Казалось бы, пустяковое дело, но оно возникло как раз в такой момент, что вызвало жаркие споры.

Ду Сянчэн спросила:

— Нападавший должен понести наказание, в чем же тут спор?

Дуань Чжишу ответила:

— Наказать его, конечно, нужно, но вопрос в том, как именно. По старым законам, если пострадавший не стал инвалидом, достаточно было высечь виновного палками и обязать его выплатить компенсацию. Однако согласно новому уставу, частная драка считается тяжким преступлением: если нанесены увечья — грозит казнь, если нет — не менее года каторжных работ, а в худшем случае и ссылка. Обе семьи никак не могли прийти к согласию, по какому закону судить.

— Пусть господин Вэй рассудит, — предложила Чжэн Аня. — Ведь это он составил новый устав.

Все выразили согласие и перевели взгляды на Вэй Синьчжуна.

Вэй Синьчжун спросил:

— С момента обнародования нового закона старые нормы утратили силу. Известно ли, дошло ли известие о новых правилах до той местности, где произошел инцидент?

— В том-то и загвоздка, — ответил Лу Даолинь. — Мы как раз вошли в деревню, чтобы вывесить объявления, как вдруг случилась эта драка.

— То есть, когда он наносил удары, новый закон еще не был официально объявлен?

Дуань Чжишу пояснила:

— Можно сказать и так. Но семья пострадавшего считает, что нападавший заранее узнал о содержании нового закона и намеренно спровоцировал конфликт. По старому закону ему грозило лишь наказание палками, но если бы пострадавшие после этого решили дать сдачи, их бы судили уже по новому, более строгому уставу. Они чувствуют себя обманутыми, — добавила она с досадой.

— Какой же подлый человек! — не сдержалась Чжэн Аня.

Му Цинцюань поинтересовалась:

— А пострадавший не сопротивлялся?

Лу Даолинь ответил:

— Пострадавший по натуре человек робкий и осторожный. Он слышал, что новый закон строго запрещает частные драки, поэтому побоялся дать сдачи, опасаясь, что его обвинят в участии в потасовке.

— Хм, значит, нападавший ударил до вступления закона в силу, а пострадавший из страха перед новыми правилами не посмел ответить и получил серьезные травмы? — Вэй Синьчжун погладил бороду, помолчал немного и сказал: — Судите по старым законам.

— Господин, — не выдержала Чжэн Анья, — если мы будем слепо следовать букве закона, то по старым правилам все верно. Но не вызовет ли это разочарование у тех, кто стремится соблюдать новый устав? Ведь человек старался быть законопослушным, но закон не смог его защитить.

Вэй Синьчжун сурово произнес:

— Ваше Высочество, господа, даже дурной закон остается законом. Пока новый устав не был обнародован, следует руководствоваться старым, даже если он несправедлив, иначе не избежать беды. Подумайте сами: если мы будем поощрять народ соблюдать еще не вступившие в силу указы, откуда люди узнают детали, не имея официальных разъяснений от властей? Скорее всего, из слухов. А слухи имеют свойство искажаться, да и злоумышленники могут воспользоваться этим, чтобы сеять смуту. Если народ примет ложь за правду, в обществе наступит хаос. Поэтому мое мнение таково: пока закон не обнародован, он не является законом, и соблюдать его не требуется. Это дело нужно разбирать по старым правилам. Разумеется, семью пострадавшего мы можем соответствующим образом утешить.

Лу Даолинь кивнул:

— Господин прав. У закона должны быть четкие границы. Если мы сегодня из жалости к пострадавшему начнем их размывать, в будущем возникнут большие трудности.

Дуань Чжишу также выразила одобрение. Видя, что Чжэн Анья недовольна, Вэй Синьчжун с улыбкой заметил:

— Кажется, наша принцесса не в восторге от такого решения.

Чжэн Анья надула губы:

— Я думала, законы существуют для того, чтобы наказывать зло и поощрять добро, а вышло, что они защитили подлеца.

Вэй Синьчжун рассмеялся:

— Ваше Высочество ошибается. Главная задача закона — поддерживать справедливость и порядок в максимально широком масштабе. Наказание зла и поощрение добра — лишь одна из функций, но не самая важная.

— Почему?

— Позвольте спросить, что есть добро и что есть зло?

— Это... — Чжэн Анья почесала затылок. — Сразу и не ответишь. Но ведь в конкретном поступке или человеке отличить добро от зла очень легко.

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— Добро и зло живут в сердце каждого, но мерило у всех разное. Например, мы убили Фэй Цзина — для нас это свершение мести, несомненно, благое дело. Но для некоторых жителей государства Хуа убийство их правителя — национальный позор, величайшее зло. У каждого своя позиция, свой опыт, а значит, и свои стандарты. К тому же, аннексия государства Хуа — это первое в истории Гаочана управление землями иного народа, не так ли?

— Да, — подтвердили присутствующие.

— Гаочан и Хуа сильно различаются законами, обычаями и нравами. В такой ситуации мы тем более не должны судить о чужих делах, исходя из собственных представлений о добре и зле, иначе это приведет к беде.

Спустя несколько дней Му Цинцюань столкнулась с новой сложной задачей. Дуань Чжишу, узнав о важности дела, вновь созвала всех на совет. Чжэн Анья села во главе стола, а далее расположились Дуань Чжишу, Лу Даолинь, Вэй Синьчжун, Фан Сиюй, Му Цинцюань и Ду Сянчэн.

Проблема заключалась в праве женщин быть главой семьи. Раньше, под властью государства Хуа, женщины не могли иметь отдельный двор и зависели от мужчин: незамужние — от отца, замужние — от мужа, вдовы — от сыновей. Однако из-за того, что в войне погибло множество мужчин государства Хуа, многие семьи остались без кормильцев, а некоторые состояли только из женщин. Видя это, Му Цинцюань предложила разрешить женщинам регистрировать домохозяйство на себя.

Фан Сиюй недоуменно спросила:

— Разве раньше таких ситуаций не возникало?

Лу Даолинь ответил:

— Случалось, но это была лишь временная мера. Если у женщины был малолетний сын, ей позволяли временно числиться главой семьи, но как только сын вырастал, главой становился он.

Му Цинцюань спросила:

— А если у нее нет сына или она не замужем?

— Если у незамужней женщины погибли отец и братья, ее до замужества содержали сородичи. Сирот без родни обычно забирали в приют. У замужних женщин без сыновей ситуация сложнее: если есть родня, они уходили к ним, если нет — возвращались в родительский дом или выходили замуж повторно. Вдовы обычно так и делали.

Фан Сиюй спросила:

— А если она не хочет выходить замуж, разве она не погибнет от голода?

Лу Даолинь задумался:

— Э-э, я не слишком осведомлен об этом.

— А как же их имущество? — поинтересовалась Чжэн Анья.

— В таких случаях незамужняя женщина могла получить все имущество семьи. Замужняя женщина, если не выходила замуж повторно, временно управляла имуществом, пока не вырастит сына. При повторном браке забирать имущество не разрешалось.

— Неужели родственники не принуждали их к новому браку ради того, чтобы завладеть имуществом? — тон Чжэн Аньи стал резким.

— Этого... я не знаю, возможно, и так, — Лу Даолинь почувствовал, как на лбу выступил пот, и украдкой вытер его рукавом.

— То есть вы не знаете? Впрочем, вы же мужчина, разве вам есть дело до их участи? Это возмутительно, нужно менять закон, обязательно менять! — Чжэн Анья ударила кулаком по столу.

Дуань Чжишу поспешила ее удержать:

— Не горячись, все не так просто.

— Верно, Ваше Высочество, сейчас для нас важнее всего стабильность. Если опрометчиво менять закон, это затронет слишком много интересов и вызовет хаос, — Лу Даолинь перевел дух, подумав, что принцесса хоть и юна, но в гневе бывает весьма напористой.

Вэй Синьчжун произнес:

— А я считаю, что это прекрасная возможность. Можно воспользоваться моментом и ввести право на женское домохозяйство, тем самым улучшив положение женщин во всем уезде Хэси.

Чжэн Аня оживилась:

— У господина есть способ?

— Мы можем изменить закон, позволив семьям без взрослых мужчин регистрировать главой женщину, независимо от наличия у нее сыновей. Причем этот статус может сохраняться за ней до конца жизни. Если есть малолетний сын, после его совершеннолетия главой можно сделать его, а можно оставить все как есть. При такой регистрации имущество семьи остается в доме и не будет разграблено сородичами.

— А если она выйдет замуж повторно? — спросил Лу Даолинъ.

— Она сможет забрать свое приданое и долю, которую внесла в семейный бюджет.

— Как это определить?

— Из имущества семьи вычитается ее приданое и то, что муж принес в дом при бракосочетании. Остальное делится пополам. Если при повторном браке дети остаются в прежней семье, нужно выделить средства на их содержание. Если она забирает детей с собой, то может забрать и всю свою половину.

— Звучит разумно, — заметила Дуань Чжишу.

— Эх, интересы женщин действительно защищены, но для сородичей мужа это прямой ущерб. Боюсь, это не пройдет, никак не пройдет! — Лу Даолинъ покачал головой.

Вэй Синьчжун с улыбкой спросил Чжэн Аню:

— Что думает Ваше Высочество?

Чжэн Аня чувствовала, как голова идет кругом. Она уже занималась делами управления, но никогда не сталкивалась с такими конкретными и запутанными вопросами. Подумав, она спросила:

— Мне кажется, предложение господина дельно, но опасения господина Лу тоже обоснованы. Разве мы не стремимся к стабильности? Что делать, если недовольство будет слишком сильным?

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— Господа, вы все в эти дни ездили по округе. Заметили ли вы, кто сейчас работает в поле, носит дрова и торгует?

Ду Сянчэн ответила:

— Кажется, в основном женщины, и старые, и молодые.

Му Цинцюань добавила:

— И дети.

Чжэн Анья дополнила:

— Мужчины тоже есть, но их мало, и почти все они калеки.

Вэй Синьчжун рассмеялся:

— Вот именно. Ситуацию в Хэси можно описать одной фразой: только крепкие женщины держат плуг. Фэй Цзин мобилизовал тысячи воинов, отправил всех взрослых мужчин на войну, и что в итоге? Вернулось менее двух тысяч стариков и калек. В ближайшие десять лет сельское хозяйство, ремесла и торговля в Хэси будут держаться исключительно на женщинах.

Дуань Чжишу спросила:

— Цинцюань, много ли в уезде семей без взрослых мужчин?

Му Цинцюань ответила:

— Судя по последним данным, около сорока процентов. А из оставшихся шестидесяти во многих семьях мужчины либо стары, либо инвалиды.

— Так много? — воскликнула Чжэн Анья. — Значит, сейчас самое время для внедрения женского домохозяйства?

— Именно, — ответил Вэй Синьчжун. — К тому же, в Хэси есть преимущество: здесь принято, чтобы взрослые сыновья жили отдельно от родителей, поэтому конфликтов между свекровью и невесткой почти нет.

— Свекровью и невесткой? Что это за диковина? — удивилась Чжэн Анья.

Лу Даолинь, видя недоумение на лицах всех присутствующих женщин, рассмеялся:

— Это отношения между матерью мужа и его женой.

— И какие у них могут быть отношения? Ведь они даже не одна семья.

— Ну, нельзя так говорить, — Лу Даолинх махнул рукой. — У народа Гаочан женщины в почете, род ведется по материнской линии, разве не так?

— Так, — подтвердили женщины.

— А в ваших семьях, как ладят отец и муж?

— Ну, обычно... средне.

— Ни плохо, ни хорошо.

— Иногда ссорятся.

— Многие дети простолюдинов не живут с отцами.

— Точно, у них же браки по посещению.

— Браки по посещению? — теперь пришла очередь Лу Даолинх удивляться. — Это что еще такое?

Дуань Чжишу пояснила:

— Это основной обычай народа Богов. Девушка, достигнув брачного возраста, выбирает себе Ачжу — возлюбленного, с которым поддерживает отношения. Обычно они живут каждый в своем доме, со своими родственниками. Поэтому в большинстве семей Богов нет ни отцов, ни мужей — только бабушки, матери, тети, дяди, братья, сестры и их дети.

— А... — осторожно спросил Лу Даолинх, — а как же вы? Вы ведь дворянского происхождения.

Дуань Чжишу ответила:

— Женщин из королевского рода и четырех великих семей называют Женщинами пяти фамилий. В отличие от простолюдинов, мы обычно заключаем официальные браки. Конечно, мужчина приходит в дом женщины. Например, мой муж носит фамилию Цуй — это малый род в Гаочане. Муж моей сестры из рода Фан — брат королевы, дядя принцессы и Фан Сиюй, они живут с нами. Поэтому у нас тоже случаются конфликты между отцами и мужьями или мужьями сестер.

Услышав упоминание о своем дяде, Чжэн Ань притихла. Она погрузилась в свои мысли, перебирая пальцами чашку с чаем, и позволила остальным принимать решения.

На следующий день в уезде Хэси был обнародован новый закон: семьям, где нет взрослых мужчин, разрешалось регистрировать главой взрослую женщину. Весть вызвала бурю эмоций. Вдовы и сироты ликовали, а многие мужчины ворчали, что это нарушает порядок вещей и ведет страну к гибели. Но в конечном итоге закон касался тех семей, где мужчины уже погибли, и поскольку критики были живы, они не имели права говорить от лица мертвых. Ду Сянчэн и другие женщины быстро пресекли их ропот, поставив недовольных на место.

<http://bllate.org/book/21787/2253491>